

Петерсен К.

**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

PETERSEN C. Der «Islamische Staat» und Zentralasien // Welt Trends. – Potsdam, 2015. – Jahrgang 23, N 108. – S. 37–42.

К. Петерсен¹ пишет, что в настоящее время приоритетом для «Исламского государства» (ИГ) является укрепление позиций халифата на территории Ирака и Сирии. Однако это не означает, что государства Центральной Азии с их многовековой исламской культурой находятся вне сферы интересов ИГ. Если оно потерпит поражение на Ближнем Востоке, Центральная Азия может стать полигоном возмездия Западу и России. Планы ИГ представляют для последней более серьезную опасность, чем для НАТО. Стремление ИГ распространить свое влияние на Центральную Азию, район Каспийского моря и на Кавказ могут привести к возникновению своего рода «пояса халифата» [с. 37]. Чтобы дать старт стратегии про-

никновения, ИГ достаточно внедрить в регион несколько тысяч активистов. На границе с Таджикистаном и Туркменистаном уже сейчас существуют тренировочные лагеря. Тысячи воинов ислама пройдут подготовку в условиях реальных военных действий в Сирии. Наконец, в соседнем Афганистане против правительственных войск сражаются отряды «Аль-Каиды», талибов, Исламского движения Узбекистана.

У ИГ достаточно возможностей, чтобы обратить себе на пользу итоги трансформации, которую за прошедшие 20 лет претерпели молодые государства Центральной Азии, возникшие после распада СССР. Характерное для этих государств сочетание социально-экономических проблем с авторитарными методами управления напоминает ситуацию в странах Ближнего Востока. Можно выделить несколько главных причин возможного распространения влияния ИГ на Центральную Азию.

1. После 20 лет независимости ислам вновь стал доминирующей религией региона. Сегодня мусульманами называют себя 8,8 млн жителей Казахстана (из 17 млн населения); 4,9 млн жителей Киргизии (из 5,5 млн); 7,5 млн граждан Таджикистана (из 8,2 млн); 4,8 млн граждан Туркмении (из 6,7 млн); 26,8 млн жителей Узбекистана (из 30 млн). «Ислам оказывает влияние не только на религиозные и бытовые традиции, но и на мировоззрение и в какой-то

1. Автор пишет под псевдонимом, однако в примечании к статье указано, что он сам известен редакции журнала Welt Trends. – Прим. редф.

мере на общественные и политические взгляды большинства жителей Центральной Азии» [с. 38].

2. Светские власти государств Центральной Азии не готовы воспринимать ислам конструктивно и тем более использовать его в качестве одного из важных элементов государственного строительства. Отдавая себе отчет в том, что большинство населения идентифицирует себя по признаку принадлежности к мусульманской религии, они видят в этом обстоятельстве лишь потенциальную опасность для своего существования. Политический ислам рассматривается ими в качестве конкурента и источника насилия, а его представители подвергаются репрессиям. В государствах Центральной Азии недооценивают возможные преимущества от сотрудничества с исламскими политиками (не говоря уж о сотрудничестве с ними) в плане стабилизации существующих режимов. В результате возникает своего рода заколдованный круг: политика в области государственной безопасности сводится к антитеррористическим мерам, направленным против мусульман, и это ведет к радикализации последних.

3. Известно, что в Центральной Азии существует подпольное исламистское движение, нацеленное на насильственное изменение существующего порядка. Легальные политические мусульманские структуры умеренного толка могли бы служить своего рода противовесом исламу. Однако власти, находясь в плену своей

близорукой политики, чинят препятствия их деятельности. В 1997 г. (к концу гражданской войны) легального статуса смогла добиться только «Партия исламского возрождения Таджикистана» (ПИВТ). Но 28 августа 2015 г. правительство лишило ПИВТ права заниматься политической деятельностью, что де-факто означало отмену соглашения о мире с важным, «проверенным в борьбе» отрядом политического ислама в Центральной Азии и подыгрывание интересам ИГ [с. 39].

4. Центральная Азия характеризуется высоким уровнем бедности и социальной изолированности населения. Исключение составляют богатые нефтью и газом Казахстан и Туркмения. Так, согласно данным Организации развития ООН (ПРООН) за 2011 г., в Казахстане за чертой бедности находится 32% населения, в то время как в Таджикистане таких людей 72%. Примерно 30% населения региона – это граждане в возрасте до 15 лет. Высокий уровень безработицы, в особенности среди молодежи (исключение опять-таки демонстрирует Казахстан) превращает миллионы людей в трудовых мигрантов. По данным за декабрь 2014 г., на заработки в Россию отправились 4,5 млн жителей республик Центральной Азии, оставив членов своей семьи на попечении местных имамов [с. 39].

Перечисленные предпосылки способствуют формированию социальной неудовлетворенности и росту протестных настроений под лозунгами возвращения к ислам-

ским ценностям. «Сложившиеся в обществе условия облегчают деятельность вызывающих к социальной справедливости агитаторов из “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами” и салафитов, противопоставляющих альтернативный исламский образ жизни коррупции и репрессиям в отношении религиозных активистов» [с. 40].

Чтобы противодействовать проникновению идей ИГ в государства Центральной Азии, необходимо озаботиться выработкой новой политической стратегии, что, в свою очередь, требует понимания, в какой степени местное общество готово к восприятию программы ИГ. Было бы ошибкой исходить из представления о так называемом «Исламском государстве» как об одной из многих террористических организаций. ИГ поднялось на базе ультраконсервативной, ориентированной на насилие транснациональной программной базе и поставило цель – преобразование существующих государств в исламский халифат. Если этот проект осуществится, молодые государства Центральной Азии будут стерты с карты мира. Политические элиты и большинство мусульманского населения не заинтересованы в том, чтобы историческое наследие отдельных государств было принесено в жертву халифату, организованному в соответствии с представлениями воинствующих апологетов салафизма, верящих в возможность реформирования современного общества и в воссоздание

идеализируемого ими исламского порядка VII в.

В ИГ, однако, понимают, что не могут рассчитывать на безоговорочную поддержку исламского мира, который сам по себе неоднороден. Эта неоднородность порождает множество противоречий. Так, в салафитско-джихадистском окружении ИГ есть группы, которые хотят «реисламизировать» мусульманское сообщество без насилия, путем политизации ислама, превращения его в инструмент идеологии. Наряду с ними существуют джихадисты, которые преследуют аналогичные цели, но оправдывают насилие и прибегают к нему. Свое собственное лицо имеет ПИВТ, отстаивающая национальные интересы, право на свободу мысли и вероисповеданий, выступающая за мирный парламентский путь решения проблем без политизации ислама. Среди существующих в Центральной Азии течений мусульманской религии доминирует так называемый «традиционный ислам», т.е. ислам суннитского толка ханафитской школы. Помимо этого распространено влияние суфийских братств, главы которых формируют вокруг себя локальные и региональные общины. В приграничных районах между Таджикистаном и Афганистаном живут принадлежащие к шиитской ветви исмаилиты, духовным лидером которых является Ага Хан. В реальности границы между сторонниками различных течений довольно неустойчивы. Если ИГ решит распространить свое влияние на Центральную

Азию, наступит брожение и раскол, и соотношение сил скорее всего изменится не в пользу местных духовных традиций.

Еще один комплекс проблем проистекает из модели общества, которую предлагает ИГ и которая резко противоречит характеру центральноазиатских обществ. Мусульмане Центральной Азии отличаются от «типичных» мусульман Ближнего Востока. Это связано с тем, что Центральная Азия пережила российско-советский период своего развития, население здесь в большей мере тяготеет к европейскому образу жизни. Элитам бывших советских республик свойственны светские взгляды. Модель общества, насаждаемая ИГ, противоречит представлениям, характерным для мусульманского большинства Центральной Азии. Так, например, материалы обследования Pew Research Center, проведенного в 2013 г., показали, что лишь 12% респондентов поддерживают правовую систему, основанную на шариате; только 28 – одобряют участие в политике религиозных

лидеров; 71 – не видят противоречий между исламом и современным миром; 70 – поддерживают право женщин на развод; 73% выступают за свободные выборы. Теракты, устроенные смертниками, осуждают 82% респондентов в Киргизии, 85 – в Таджикистане и 95% – в Казахстане. Вместе с этим 92% участников обследования высказались за полную свободу вероисповеданий [с. 42].

В заключение автор пишет, что возможность предотвратить проникновение ИГ в Центральную Азию реальна, однако успех не придет сам собой. Следует отказаться от репрессивного подхода правительств к религии. Нужно ликвидировать недоработки в сфере исламской модернизации, привлекая к этому представителей политического ислама. Нужно обеспечить свободу вероисповедания, прекратить вмешательство государства во внутренние вопросы религиозной практики, а также обеспечить *modus vivendi* между светской властью и национально ориентированными представителями политического ислама.

Н.Б. Шувалова